

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**КОЛОННА
ПРИГОВОРЕННЫХ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Колонна приговоренных / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова).

ISBN 978-5-04-235453-3

Начало 1945 года. Красная армия готовится к Сандомирско-Силезской операции по освобождению Южной Польши. На одном из участков фронта разведчикам капитана Глеба Шубина удается захватить в плен немецкого летчика. С его слов, в близлежащем районе противник скрывает танковый корпус, который должен будет ударить в тыл наступающим советским частям. Командование приказывает Шубину проверить эти данные. Разведчики уходят в рейд и вскоре действительно находят замаскированные вражеские танки. Нужно срочно доложить об этом в штаб. Но на обратном пути Шубин и его товарищи неожиданно сталкиваются с серьезным испытанием, заставившим капитана изменить первоначальные планы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235453-3

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Ну вот, товарищи командиры, — командир 56-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник Захар Карпович Слюсаренко осмотрел присутствующих на бригадном собрании командиров, — теперь вы в курсе, что наше командование назначило дату стратегического наступления всего нашего 1-го Украинского фронта на начало января. И наша танковая бригада вместе с остальными бригадами и корпусами 3-й танковой армии будет участвовать в наступлении по направлению к Одеру. А потому завтра ваш отпуск, так сказать, заканчивается...

Слюсаренко сделал паузу и хотя строго, но с легкой усмешкой посмотрел на своих офицеров. Он понимал, что сейчас он сообщит им не очень приятную, но тем не менее весьма долгожданную новость. Но, как говорится, делу время, а потехе час, и этот час истек. Наступало время не просто для дела, а для великих свершений. Именно это зимнее, в начале 1945 года, наступление Красной армии по направле-

нию к Силезии должно было стать началом окончательного разгрома фашистских сил.

— Как вы знаете, наши основные бронесилы с августа находятся в районе гмины Бильча. Вот и нам предписано присоединиться к ним. Завтра мы покидаем Опатув. Будем готовиться к наступлению. Есть вопросы?

— А в Опатуве мы чем занимались, если не готовились к наступлению? — усмехнувшись, шутливо поинтересовался майор Нодар Барамович Чихвидзе — командир роты техобеспечения бригады. — Мои ребята столько техники восстановили и...

— Речь не о вашей роте, Нодар Барамович, — прервал его Слюсаренко. — Я просто хотел сказать, что сейчас подготовка к наступлению выходит на решающую стадию. В основном, конечно, будет работа для нас, командиров, и для разведки, — посмотрел он в сторону командира батальона бригадной разведки майора Бабенко.

— Мои ребята тоже вроде бы не сидели в тепле и довольстве, — вступился за разведчиков тучный майор Бабенко. — Вот недавно наладили связь с местными партизанами.

— Тимур Олегович, кто бы спорил, — с улыбкой развел руками Слюсаренко. — Наша бригадная разведка — лучшая из лучших. Но я опять же не о том сейчас говорю. Нам предстоит теперь не просто

КОЛОННА ПРИГОВОРЕННЫХ

проводить разведку, чтобы выведать расположение и силы врага, — это мы и так в основном уже выяснили. Нам надо, чтобы наступление нашей танковой армии прошло успешно и без всяких сюрпризов со стороны врага. Вот что я хотел подчеркнуть.

Слюсаренко встал и, подойдя к карте, показал на ней два направления, прокомментировав свои действия:

— Мы с вами проводили разведку по направлению к Кельце, потому как первоначально предполагалось, что наша бригада будет прорывать фронт немцев именно в этом направлении. Но теперь, когда все действия 3-й танковой армии скоординированы с остальными частями фронта, было принято решение перекинуть наше наступление, я имею в виду, наступление нашей бригады конкретно... — Слюсаренко повернул голову от карты и посмотрел в сторону офицеров, сидевших за столом. — Так вот, теперь совместно с остальными танковыми бригадами нам нужно будет гнать немцев в сторону Хмельников, Енджеюва и далее в район Конецполя и Влощова. Пока что у меня нет точных данных, куда мы будем двигаться далее. Но многое будет, как я уже сказал, зависеть от нашей разведки и от того, куда посчитает нужным перебросить нас наше командование.

— Мы всегда пожалуйста, — заметил Бабенко. — Ребята у меня орлы. И летают далеко, и видят зорко.

— Сейчас, когда установилась погода, — продолжил Слюсаренко, возвращаясь на свое место, — наша авиация проводит разведку глубокого тыла противника. И на основании полученных разведанных будет корректироваться и продвижение всей армии. Но и нам с вами не стоит расслабляться. У немцев было достаточно времени с начала осени, чтобы подготовиться к обороне. Наверняка фашисты подготовили немало неприятных для нас сюрпризов. Они понимают, что прорыв мы готовим большой и стремительный, а потому проводить его будем прежде всего с помощью танков и самоходных орудий.

— Я знаю, что плотность артиллерии у нас на все наши километры плацдарма очень большая... — заметил гвардии полковник Зицер, который являлся начальником штаба бригады.

— Да, Семен Ильич, — согласно кивнул Слюсаренко. — Артиллерия, как говорят в солдатской среде, — королева войны, и она играет большую роль на поле сражения. Немцы это знают и явно готовятся переждать артиллерийский шквал в надежных укрытиях. Наша задача — задача танковых подразделений — не позволить им спрятаться. Не дать это сделать и гнать их от их окопов подальше так быстро, как только возможно. Поэтому скажем так. Если артиллерия — королева, то мы, танковые части, — боевые слоны, которые под прикрытием ферзя, если продолжать

КОЛОННА ПРИГОВОРЕННЫХ

развивать шахматную терминологию, могут нанести стратегическое поражение пешкам и поставить мат противнику, действуя совместно с конем и королем.

— А кто у нас конь и кто король? — поинтересовался один из молодых офицеров.

— Король — это наш главнокомандующий, это всем и так понятно, — вместо Слюсаренко ответил ему Зицер. — Ну а конь... — Он на секунду задумался, а потом закончил: — Наша «рабочая лошадка» — это пехота. Тут без вариантов. Она на своих плечах, считай, всю войну вытянула. Если бы не пехота, то и танки, то есть слоны, не смогли бы ничем помочь. Правильно я говорю? — посмотрел он на Слюсаренко.

— Правильно, Семен Ильич, — кивнул тот и продолжил: — Поэтому всем даю один день на сборы и сворачивание. Завтра вечером бригада должна выйти в полном составе в сторону Бильчи. Все вопросы отменяются, — поднял он руку, тем самым давая понять, что совет закончен и всем командирам можно расходиться.

* * *

— Вернулся?

Лейтенант Ренат Астафьев, коротко глянув на вошедшего в комнату Глеба Шубина, снова опустил голову и углубился в изучение слов в немецко-русском словаре.

— Где Зубов? — последовал ответный вопрос.

— А то сам не знаешь где, — не поднимая головы, ответил Астафьев. — Оба у пани Марты. И он, и Юдитка. Весь вечер там торчат, словно медом им там намазано.

— Ну, Юдита — понятно, — усмехнулся Шубин. — Она каждый вечер у нее бывает. Ее пани Марта учит на машинке швейной шить. А Зубов — он что, и минуты дома посидеть не может? Едва я к Бабенко ушел, и он за порог.

— Ты чего такой недовольный вернулся? — почувствовав настроение своего командира, оторвал взгляд от словарика Астафьев.

— Сходи за ним, — не отвечая на вопрос, попросил своего заместителя Глеб. — Поговорить надо.

Ренат молча встал, положил в словарик закладку из газетного обрывка и вышел из комнаты.

Все трое так и жили в квартире, которая когда-то принадлежала Катажине Кароль — тетке восьмилетней польской сироты Юдиты. Саму Катажину арестовали и посадили в тюрьму за связь с немцами и пособничество фашистскому режиму, а Юдита после смерти своей бабушки Дороты перешла в ее квартиру. Вместе с ней из холодной хаты в квартиру перебрались и три боевых товарища-разведчика — Глеб Шубин, Ренат Астафьев и Анатолий Зубов.

Пани Марта, которая была соседкой Катажины, пригласила по душе Анатолию, хотя он и был младше

полячки почти на девять лет. Та ответила ему взаимностью, правда, не торопилась дать советскому парню свое согласие на совместное жительство, тем более, о чем мечтал мечтал сам Зубов, на брак. Хотя согласилась ждать его возвращения после окончания войны. Война — дело непредсказуемое, и кто знает, как все повернется в этой заварухе? Этого никто не мог предсказать. Все чувства к Анатолию полячка держала глубоко в себе, хотя иногда и делилась своими мыслями с Юдитой, которой предложила стать ее приемной дочерью.

Юдита не возражала против и своего удочерения, и откровений пани Марты. Женщина была ласкова и добра к девочке, а приткнуться ей все равно к кому-то надо было, чтобы не попасть в сиротский дом, в котором жизнь и в лучшие-то времена не считалась малиной, а уж сразу после оккупации — тем более. Да и Анатолий нравился девочке. Он был в ее глазах не просто красивым молодым парнем, но человеком с легким, веселым характером и еще другом, с которым она легко находила общий язык и общие занятия.

В общем, по разумению Глеба Шубина, Зубов, Марта и Юдита были бы прекрасной семьей, если бы эти их отношения начались не во время войны, а в мирное время. И хотя, по мнению самого Анатолия Зубова, все еще у него и у этих двух милых его сердцу полячек было впереди, но Шубин тем не ме-

нее, не спешил с окончательными выводами. Война, как уже было сказано, — явление непредсказуемое, особенно в отношении судеб людей, которые в этой войне варились, словно в кипящем котле, и не могли знать, что она, эта война, им готовит завтра, тем более — послезавтра. Послезавтра — срок на войне, можно сказать, фантастический и несбыточный.

Именно обо всем этом и думал Глеб, сидя за столом в одиночестве и уставившись в одну точку, когда в комнату вошли Астафьев и Зубов.

— Ты что такой хмурый? — веселым голосом поинтересовался Анатолий. — Подумаешь, не застал меня в квартире. Ну, постучал бы к Марте...

Он резко замолчал, наткнувшись на задумчиво-во-суровый и не видящий его взгляд Глеба. Подождал ответа, но, когда того не последовало, подошел ближе к Шубину, положил ему руку на плечо, чуть потрянул его и спросил:

— Глеб, ты чего? Случилось чего? Опять в разведку посылают? Так ведь это и хорошо. Засиделись уже. Радоваться надо...

— Вот и радуйся, — очнувшись от задумчивости, ответил Шубин. — Завтра вечером вся бригада передислоцируется в район гмины Бильча. Приказ командующего 3-й танковой армией генерал-полковника Рыбалко. Ты рад? — поднял он глаза на смутившегося от таких известий Зубова.

— Что, прямо-таки уже завтра вечером и уходим? — выдавил из себя Анатолий.

— Да, прямо завтра в семнадцать ноль-ноль, пока еще не совсем стемнело, выходим в сторону Бильчи, — ответил Шубин и встал. — Ужинать будем? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Я сейчас вернусь. — Зубов, опустив голову, быстрым шагом направился к входной двери.

— Толик, стой! — попытался остановить его Астафьев.

— Пускай идет, — в свою очередь остановил Рената Шубин. — Это нам с тобой, кроме своих жизней, терять нечего. А у него... — Глеб вздохнул, но продолжать не стал. Тут и без всяких слов было все понятно. Даже Астафьев, которому не очень импонировало то, что Зубов так сильно привязался к полячке, промолчал. Не то чтобы Ренат вообще был против серьезных отношений во время войны — даже наоборот, он немного завидовал тем, кто, как, например, танкисты из их бригады — Шура Горохова и Коля Ревунец, — находили свою любовь и судьбу в столь тяжелое время. Они, считал Астафьев, заслужили эту любовь, заслужили считаться семьей, фронтовой семьей. Он и сам был бы не прочь найти себе не просто временную боевую подругу, но жену, с которой бы прошел весь путь до самого Берлина, до самой победы. Если бы, конечно, получилось дойти до того счастливого дня живым.

Но Ренат никак не мог понять, что может быть общего у советского бойца с польской пани. Как эти отношения вообще могут быть и считаться серьезными? Ладно бы, подружились, полюбились и с миром разошлись — война все спишет, но вот так, чтобы серьезно, чтобы ждать окончания войны и, вернувшись в Польшу, создать семью...

— Не понимаю, — решил поделиться он своими мыслями с Шубиным, когда они остались вдвоем. — Не понимаю я Толика, хоть убей. Зачем ему эта пани Марта? Нет, конечно, чувства, любовь и все такое, — торопливо заговорил он, когда увидел, что Глеб что-то хочет ему возразить. — Но ведь он верит, что она будет его ждать и будет надеяться, что он сможет к ней приехать. Ну, приедет он, ну, дождется его она. А что дальше-то?

— Увезет с собой, — предположил Глеб.

— А она захочет? — посмотрел на него удивленно Астафьев.

— Почему бы и нет?

— Ну, не знаю, — развел руками Ренат. — Она — полячка и привыкла жить по своим, польским законам. Ей у нас в Союзе будет тесно и скучно.

— Почему ты так решил? — улыбнулся Глеб. — Погоди, Ренат. Может, ты чего-то не понимаешь? Я, например, думаю, что вернется к ней наш Толик майором и вся грудь в орденах. Так?

— Ну, предположим, так, — кивнул Астафьев.

— А куда он вернется, ты подумал? Какой будет Польша после окончания войны?

— Какой? Свободной.

— Свободной не только от немецких оккупантов, но и от панов, от богатеев. А значит — что? Тут у пани Марты будет выбор — ехать или остаться. Правильно говорю?

— Глеб, я не понимаю, к чему ты клонишь, — посмотрел на Шубина Ренат.

— Да как же ты не понимаешь? — нахмурился Глеб. — Выбор ведь будет не только у пани Марты, но и у Зубова. Он вполне может захотеть остаться в Польше и строить вместе с польским народом на этой земле новую жизнь. Ты об этом не думал?

Астафьев задумчиво почесал затылок. Помолчал.

— Нет, я об этом не думал, — честно признался он. — Мне как-то и в голову не приходило, что Толик решит остаться после войны в Польше, а не вернуться в свой... Кстати, откуда он?

Глеб не ответил, только пожал плечами. Наверняка Зубов ему когда-то и рассказывал, откуда он родом, но Шубин забыл.

— Разве это важно, откуда он родом? — сказал он после некоторого молчания. — Мне кажется, что наша Родина — это не только место, где мы родились и выросли и где живут наши родители. Это понятно,

это близко, это наша малая родина. Но если мы ее покидаем, если находим близкого по сердцу человека где-то далеко от места, где мы родились... Разве то место, где живет этот человек и в котором мы остаемся, чтобы жить, работать и создать семью... Разве оно не становится для нас тоже родиной?

— Становится, наверное, — не очень уверенно ответил Астафьев и продолжил рассуждать: — Но ведь когда мы уезжаем из дома, это все равно не чужая нам страна. Наш Союз очень большой, но он наш, родной. А Польша — чужая страна...

— Была чужая, — снова прервал его Шубин. — Мир меняется, Ренат. Никто — ни ты, ни я — не может с уверенностью сказать, каким он станет завтра. Мы можем только мечтать, хотеть и стремиться делать все, чтобы он стал лучше, чище и свободнее, чем был до войны. Я верно говорю?

— Верно, — вынужден был согласиться Ренат.

Он хотел добавить еще что-то, но тут в квартиру вся в слезах вбежала Юдита и кинулась на шею Шубину, а потом и Астафьеву.

— Не хотцу, не хотцу, абисцей абесцли, уходить! Юдита поти с вами. Я не хотцу поцоставач одна, — смешивая русские и польские слова, рыдала девочка.

— Тю, Юдитка, а я думал, что ты уже взрослая панночка, — рассмеялся Шубин, глядя девочку по во-

лосам. — А то ты не знала, что нам надо будет скоро уходить. Ведь знала же?

— Цнала, — кивнула Юдита. — Но не хотец.

— Мало ли чего мы хотим или не хотим, — вздохнул Астафьев. — Надо еще, чтобы наши хочю и не хочю каким-то образом выполнялись. Правильно? Ты ведь не хочешь, чтобы немцы в город вернулись? Не хочешь. Вот мы их подальше и прогоним. А потом вернемся.

— Не вернотцес, — покачала головой и судорожно вздохнула Юдита. — Даце естли не убиват вас, все одно не вернотцес.

— Ну, Толик-то точно вернется, — заметил Глеб. — А это уже, считай, то же самое, что и мы с Ренатом к вам вернулись. Зубов вам обо всех наших геройских делах так расскажет, в таких красках распишет, словно мы сами вам с пани Мартой все рассказали, — улыбнулся он и вытер ладонью слезы со щек девочки.

— Думаю, что он тоце не приидет до нац, — тяжело вздохнула Юдита, но по тому, что она стала успокаиваться, было видно, что она сама не верит своим словам.

— Это я-то не вернись? — раздался у них за спиной голос Анатолия. — Умру, а все равно до вас приду, — подхватил он Юдиту на руки и, усадив ее на плечо, зашагал по комнате, декламируя: — Не верь, не верь своим слезам, не верь, не верь, своим страданьям...